

Созреть — значит принять непостоянство этого мира, смириться с тем, что всё идет наперекосяк, и признать собственное бессилие.

— Протяни руку, — уголки глаз Жозефа чуть согнулись, и он протянул ко мне руку, сжатую в кулак.

— М? — я хоть и слегка удивилась, но послушно протянула ладонь.

Стоило моим кончикам пальцев коснуться его прохладной ладони, как он легко разжал пальцы, и на мою ладонь упало изящно выполненное серебряное кольцо с замысловатым узором.

— Кольцо? А оно ничего, симпатичное, — я покрутила серебряный ободок в пальцах и поднесла ближе к глазам, разглядывая. Сдержанное, но не лишенное роскоши — наверняка стоит немало.

— Проходил мимо лавки, показалось красивым, вот и купил, — в глазах Жозефа плескалось едва заметное тепло, а светлые золотистые пряди, падавшие на плечи, покачивались в такт его движениям.

Но мой дорогой Жозеф, твои мелкие движения выдают, что ты жутко нервничаешь, а в глазах таится что-то еще...

Жозеф поднялся с газона, прислонившись боком к стволу дерева. Мягкая и гладкая ткань его одежды переливалась на свету мелкими темными узорами, а стать его была настолько прямой, что у меня невольно закинулась голова.

Он легко стянул серебряное кольцо с моих пальцев, и его кончики невзначай мазнули по моей коже, оставив после себя легкий холодок.

— С каких пор ты стала такой высокой? — мой взгляд скользил по его фигуре, следя за каждым движением. Погодите-ка, он что, тоже ест кальциевое печенье? И с какого перепугу среди ночи вырядился так красиво, куда это он собрался?

Пока он, с чуть покрасневшими мочками ушей, слегка покачивал в руке серебряную нить:

— Давай я тебе его надену, — голос его звучал звонко и сдержанно, но в то же время сквозила в нем какая-то зажатость.

— Я и сама могу надеть, не утруждайся, — я отмахнулась, пытаюсь отказать, но Жозеф крепко перехватил меня за запястье.

— Какое тут утруждение, неужто нельзя помочь? — он бросил на меня быстрый косой взгляд и добавил с крошечной ноткой радости в голосе.

Сжал он не слишком сильно, но надежно — так, будто боялся, что я вдруг выдерну руку и убегу.

Кончики пальцев были прохладными, холодное серебряное кольцо плавно легло на мой безымянный палец, сев идеально, будто на заказ.

Я подняла руку, любуясь им в свете луны, а на губах заиграла искренняя улыбка:

— У тебя отличный вкус, это кольцо мне и правда очень идет.

Жозеф, с легкой улыбкой глядя на мою спину, отозвался:

— Да, вкус у меня всегда отменный.

— Но почему обязательно кольцо? Разве нет других украшений? — я в лучах света внимательно рассматривала тонкую работу серебряного кольца. Если есть другие, придется снова поговаривать Жозефа, чтобы он мне их раздобыл.

— Больше нет. Разве этого кольца мало? Чего тебе еще надо? Мм?.. — Жозеф чуть подался вперед, золотистые пряди волос упали вниз, коснувшись моего уха. Его чистые, подобные гладкому стеклу глаза оказались совсем близко, уголки глаз чуть приподнялись, излучая нескрываемую нежность, и он, склонив голову набок, уставился прямо на меня.

Я с легкой усмешкой оттолкнула его голову в сторону и заодно потрепала по волосам:

— Разговариваешь так разговаривай, с чего вдруг подбираться так близко?

В глубине его глаз промелькнуло мимолетное сожаление, и он невзначай потерся о мою ладонь.

— Считаю, я попался... — совсем тихий вздох, голос утонул в биении сердца, так что никто не услышал.

Тут же он мягко потянул меня за запястье, увлекая за собой на землю, и придвинулся ближе.

— Хозяин, у вас осталось полчаса, — вовремя поданный системный голос вернул меня к реальности. Я подавила мимолетную кислинку в душе и легко кашлянула.

— Кхм, ладно, твой подарок я дарю заранее, — я не стала убирать руку, подчиняясь его движению. Кровь на моей правой ладони уже высохла, ожерелье вернулось в прежнее состояние, и я протянула его прямо перед его глазами.

Его взгляд мгновенно вспыхнул, словно звезды сорвались с неба прямо в глаза. Он бережно принял ожерелье, кончиками пальцев касаясь подвески.

— Надень на меня, — он отпустил мою руку, но тут же ухватился за край моей одежды, возвращая ожерелье в мою ладонь, а в его глазах отчетливо отражался мой силуэт.

Ради того, что он надел кольцо мне, уголок замерзшего сердца мгновенно смягчился. На губах сама собой расплылась балующая улыбка, и все сомнения с тревогами на время отошли на задний план.

— Подойди.

Жозеф слегка опустил голову, челка на лбу скользнула по моим пальцам, его лоб приближался всё ближе, почти соприкасаясь с моим, их дыхание смешалось.

Я обхватила его за шею, пальцы ловко застегнули тонкую цепочку. Его теплое дыхание щекотало мою шею, мягко оседая на плечах с ленивым жаром.

— По-моему, Жозеф и так уже делает всё идеально, иногда нужно позволить кому-то позаботиться и о тебе.

Со стороны это, наверное, выглядело так, будто парочка неразлучных влюбленных застыла в объятиях.

Застегнув цепочку, я медленно отступила на полшага назад, протянула руку, чтобы аккуратно поправить его плечи, подняла глаза и принялась внимательно любоваться результатом, не удержавшись от довольного вздоха: — Мда, неплохо я всё-таки выбираю.

Говорят, коня украшает седло, а человека — одежда, но при его от природы безупречных чертах лица любые изысканные украшения служили лишь легким штрихом к красоте. Он опустил глаза, и ресницы отбросили легкую тень.

— Мм, Жозеф действительно, безумно красивый, — я со смешинкой в глазах похлопала его по плечу, но тут же уловила чей-то взгляд из-за спины.

«Немного смахивает на крысу из сточной канавы, подглядывающую за чужим счастьем» (прошу прощения, автор не смог подобрать ничего лучше, вы у меня все молодцы).

Клод, погруженный во тьму, молча опустил голову и уставился на синеватые следы от уколов на своих руках. Он чувствовал себя выброшенной на берег рыбой, отчаянно пытающейся вдохнуть воздуха, но нос улавливал лишь горький до слез запах лекарств.

Постепенно, шаг за шагом, он сжался у края кровати, обхватив колени руками.

Он так, безумно завидовал брату.

Завидовал тому, что брат может бегать без оглядки; завидовал тому, что брат умеет искренне любить и сам окружен всеобщей любовью и заботой. Всю эту дерзость, всю эту страсть, всю эту открытую радость — у него самого ничего из этого не было, ни разу в жизни не принадлежало.

Вдруг он станет обузой для брата? Брат уже постепенно берет на себя обязанности главы семьи, в газетах восхищаются его талантами, а он — полуживой калека. Если об этом заговорят, люди наверняка станут презирать его.

Но... нужно верить: рыба не утонет, следы от игл исчезнут, в горьком аромате лекарств таится исцеление, Жозеф не станет презирать Клода, а в твой мрак обязательно заглянет свет.

Дверь... отворилась.

Я ворвалась, неся с собой свет и пронизывающий зимний ветер, безошибочно отыскала забившегося в угол и страдающего хандрой Клода и тут же выдала порцию ворчания:

— Клод, в комнате темно хоть глаз выколи, ты чего в темноте сидишь на ощупь? Сам же знаешь, как я терпеть не могу этот лекарственный запах, почему заранее не догадался проветрить комнату и не открыл окно...

Бормотание вышло привычно капризным, но он подумал — по идее, такое должно жутко раздражать, но из ее уст... почему-то звучало чертовски мило.

Я подошла к панорамному окну и дернула за шторы, впуская лунный свет, изгоняющий одиночество.

Окно распахнулось, и мягкий ветерок с капельками прохлады унес тяжелый запах лекарств, оставив взамен аромат цветов — а возможно, оставил и его сердце.

— Ой, а с этого места отлично видны звезды! Надо же было выбрать такую точку, Клод, поднимай голову! — я уперлась руками в пол, опустилась на прохладный бетон и заглянула снизу в изгиб руки Клода.

Клод с легкой улыбкой приподнял голову, желая проверить, действительно ли звездное небо

так прекрасно, как она расписывала.

Стоило ему взглянуть, как его взгляд замер на месте.

Звездный свет падал на ее пряди, словно рассыпанная горсть бриллиантов, ночной ветерок тихонько раскачивал украшение в волосах, и даже ее тень трепетала от нежности. Уголки ее глаз согнулись полумесяцами, а улыбка лучилась изнутри — настолько ярко, что затмила весь Млечный Путь позади.

В тот миг мир затих, оставив лишь стук сердец.

Глядя на нее, он вдруг подумал: оказывается, все те сказочные описания бескрайних звездных морей в книгах не стоили и одного ее оборотного взгляда и улыбки.

Звездное небо и правда было прекрасно.

— Эй, ну как? Я раньше больше всего любила с бра...

«В груди почему-то кольнуло. Кто это? А, ладно, неважно, раз не могу вспомнить...» — пробормотала я про себя и тут же выбросила это из головы.

— Клод, ты опять занимаешься самобичеванием, — я повернулась к нему, и взгляд мой был прямым, жарким и искренним. Клод застыл, обожженный им.

— Клод... ты винишь себя в том, что стал обузой для брата, винишь свое тело, винишь себя за то, что не оправдал чужих надежд.

С каждым моим словом взгляд Клода ускользал от моего лица.

Даже у самого чистого человека найдутся эгоистичные мысли, зависть и обида (вроде все люди, почему такая пропасть между нами, у меня уже крыша едет).

Хорошо, что они у него есть — значит ли это, что он живой человек, настоящий человек, а не идеальная картонная кукла?

— Но, Клод, от тебя никто не отказывался. Ни у кого и в мыслях не было тебя бросать: чета Деласоунс ищет любую возможность, чтобы ты жил, Жозеф работает на износ и крутится в свете только ради того, чтобы защитить тебя. Пожалуйста, не сдавайся, ладно?

— Дорогой, ты достоин любви.

Я сложила ладони лодочкой, накрывая руку Клода, а в глазах читалась надежда.

На этот раз... он не отдернул руку.

Он смотрел на девушку перед собой: хотя в глубине души он уже предчувствовал собственную судьбу, какая-то неведомая сила заставила его сердце дрогнуть, и он согласился, а в его глазах блеснул свет.

Я явно обрадовалась и прижалась к нему лбом.

Клод подумал, что теперь он понимает, почему брат так любит ее. Она того стоит. Оказывается... она и впрямь фея, спасающая людей.

Ему было немного радостно оттого, что он заметил ее первым, но в то же время сердце сжимало от горького сожаления...

В месте, где никто не мог видеть, в моих глазах мелькнула иконка.

— Обмен завершен, «Переправа судеб» откроет для вас свои двери в любой момент. —

Я подавила разрывающую сердце боль. Больше никогда не буду связываться с этой дрянью, чуть концы не отбросила, матушка моя! Кое-как дотянув до двери на дрожащих ногах, я добралась до безлюдного места и рухнула, прислонившись к стене, чувствуя себя абсолютно обессиленной.

— Три, два, один... Перенос дорогого хозяина выполнен, — лукаво потирая руки, произнесла система.

— Да чтоб твою мать! — предсмертный вопль отчаяния, который никому не понять.

— Хозяин, у меня же нет матушки? Люди вообще не умеют летать, — система переключилась с потирания рук на потирание головы, решив, что ее хозяин слегка того.

Глаза закатились под лоб (никакой пошлости, ребенок просто потерял сознание от боли).

(□▽□)

(○○○)...

Σ(□ °Д °;)□

(□•□•)□□

(Вы знаете, почему тут такой большой пробел? Хвастаюсь новыми камодзи).

Снова открыв глаза, я, полная сил и здоровья, вернулась в качестве короля.

— Ого, да я превратилась в концептуального бога, — я с восторгом потрогала свое тело, ощущая, как исчезла боль и осталась лишь легкая остаточная анестезия.

— Это потому, что тебя временно выкинули из баз данных, за всё приходится платить цену, — система хоть и не одобряла подобного, но сделать ничего не могла.

— Ну и ладно, и чё?

Система замялась, бросив взгляд на текущую обстановку. Э... Э?! Погодите-ка, это где?! В смысле?! Уровень заражения тьмой? Настолько высокие показатели?! Да мой хозяин сейчас сам себя прикончит.

Система решительно принялась нести чушь:

— Хозяин, мы переместились в самый подходящий момент, смотри, народ уже ступил на путь к вершине!

Мне было совершенно неинтересно слушать, как система распевает мантру Маленькой волшебницы, я обвела взглядом местность.

Хм, уже не на родине, впрочем, кажется, я изначально была не там.

— Где это мы? — понизив голос, прервала я болтовню системы.

— Англия...

— Хрясь... —

Звук упавшего на землю фотоаппарата, сопровождаемый быстрым топотом шагов.

— Mademoiselle? Comment allez-vous?

<http://bllate.org/book/20901/2113078>